

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.4.239.259>

СЕМАНТИКА ОБРАЗА БАРАНА В ОРНАМЕНТАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ ПАМЯТНИКОВ НИЖНЕЙ СЫРДАРЬИ

©2026 г. А. Ж. Назаров, А. Д. Искандерова, К. Халыков

Орнаментальные традиции Нижней Сырдарьи представляют собой систему символов, отражающую мировоззрение и обрядовую практику населения средневекового периода. В декоре керамики, архитектурных элементов и предметов мелкой пластики выделяются три основные группы мотивов: геометрические (ромбы, зигзаги, крестообразные композиции), растительные (побеги, листья, розетки) и зооморфные. Эти мотивы выражали представления о благополучии, защите и родовой принадлежности. Среди зооморфных мотивов особое место занимает образ барана, встречающийся как в орнаментальных композициях, так и в пластических изображениях. Его значение связано с идеями изобилия, жертвоприношения и социального статуса. Изображение барана нередко сочеталось с другими мотивами, подчёркивая обрядовый или символический характер композиции. Таким образом, мотив барана в орнаментальной традиции Нижней Сырдарьи является частью целостной системы, где каждый элемент имеет собственное значение и усиливает смысловое единство орнамента.

Ключевые слова: археология, Нижняя Сырдарья, Джанкент, огузы, средневековье, семантика орнаментов, керамическая подставка, баран.

SEMANTICS OF THE RAM IMAGE IN THE ORNAMENTAL TRADITION OF THE LOWER SYR DARYA SITES

A. Zh. Nazarov, A. D. Iskanderova, K. Khalykov

The ornamental traditions of the Lower Syr Darya represent a system of symbols reflecting the worldview and ritual practices of the medieval period population, living in this region. In the decoration of pottery, architectural elements and small-scale plastic art, three main groups of motifs can be distinguished: geometric (rhombuses, zigzags, cross-shaped compositions), vegetal (shoots, leaves, rosettes) and zoomorphic. These motifs expressed ideas of prosperity, protection and clan identity. Among the zoomorphic motifs, a special place belongs to the image of a ram, found both in ornamental compositions and in sculptural representations. Its meaning is associated with ideas of abundance, sacrifice and social status. The image of the ram was often combined with other motifs, emphasizing the ritual or symbolic character of the composition. Thus, the ram motif in the ornamental tradition of the Lower Syr Darya region should be regarded as part of an integral system, in which each element carries its own meaning while reinforcing the overall semantic unity of the ornament.

Keywords: archaeology, Lower Syr Darya, Jankent, the Oghuzes, Middle Ages, ornament semantics, ceramic stand, ram.

Введение. Письменные источники играют важную роль в изучении средневековой истории низовьев Сырдарьи. В трудах арабских и персидских историков, географов и путешественников содержатся сведения об археологических памятниках региона, а также об этнических и исторических процессах IX–XII вв.

Особое значение имеют сочинения аль-Истахри («Книга путей и стран» – Kitāb al-Masālik wa-l-Mamālik), Ибн Хаукаля, аль-Макдиси («Ахсан ат-такасим фи ма'рифат аль-акалим»), аль-Масуди («Мурудж аз-захаб ва ма'adin ал-джавахир») и Гардизи («Зайн ал-ахбар»). В этих трудах упоминаются города и поселения нижнего течения Сырдарьи,

включая Дженд и Янгикент, а также приводятся сведения о кочевых племенах огузов, кипчаков и карлуков, населявших Восточное Приаралье в рассматриваемый период.

Данные письменных источников позволяют рассмотреть особенности политического устройства, социальных отношений и хозяйственной жизни населения региона. На их основе прослеживаются процессы политической консолидации огузских и кипчакских племён, развитие приграничных городских центров и укрепление контактов между кочевым и оседлым населением.

Сопоставление арабо-персидских письменных свидетельств с археологическими

материалами даёт возможность реконструировать историко-культурное развитие Восточного Приаралья в IX–XII вв. Полученные данные показывают, что развитие региона было связано с миграциями кочевых объединений, межплеменными взаимодействиями и политическим укреплением огузов и кипчаков, а также с активными связями с земледельческими центрами Средней Азии и участием в системе трансконтинентальной торговли (Толстов, 1962; Бартольд, 1964; Вактурская, 1979; Байпаков, 1998; Agashev, 2002; Барина, 2018; Shoraev, Sultanzhanov, 2021).

Значительный вклад в изучение материальной культуры Юго-Восточного Приаралья внесла Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция, деятельность которой на протяжении более чем полувека ознаменовалась открытием сотен поселений и могильников (Толстов, 1947; 1948; 1962; Левина, 1971, 1996; Вишневская, 1973; Аржанцева, 2016; Аржанцева и др., 2018). В советский период, а также в годы независимости Казахстана исследования памятников Северо-Восточного Приаралья, пустыни Кызылкум и древних русел Сырдарьи получили новый этап развития и продолжают в настоящее время (Курманкулов и др., 2007; Аржанцева, Рузанова, 2010; Байпаков, Курманкулов, 2011; Курманкулов и др., 2021; Билалов и др., 2021; Города огузов Приаралья..., 2024).

Настоящее исследование посвящено огузским памятникам, на которых изображён баран и различные орнаментальные узоры. Такой образ был важной частью духовной и художественной культуры огузов, отражал их представления о мире и эстетические вкусы. Изучение орнаментов выявляет устойчивые символы, связывающие материальную культуру Приаралья с традициями кочевых народов Центральной Азии (Байпаков, Авизова, 2017, с. 158; Богословская, 2019, с. 141, 151–154, 167, 175; У моря барханов..., 2021; Kartaeva, Oralbay, 2020).

Среди археологических находок особый интерес представляют изображения барана, древнего символа плодородия, благополучия и охранительной силы. Наибольшее количество подобных образов известно по керамическим изделиям, составляющим основную часть археологического материала огузского времени. По наблюдениям исследователя Г. Амиргалиной, исследовавшей огузскую керамику,

технологические и морфологические особенности изделий из раскопок городищ Джанкент и Сортобе подробно изучены (Амиргалина, 2014, с. 188–200). Среди находок встречаются ручки, крышки и орнаментированные элементы сосудов с зооморфными головами, в том числе бараньими, отражающие характерные для огузских мастеров функциональность и декоративность.

Зооморфные мотивы в искусстве огузов не существовали отдельно: их семантика находила отклики в художественных традициях соседних регионов и народов. Сходные образы выявлены в декоративно-прикладном искусстве Шивээт-Улана (Монголия) (Самашев и др., 2016), Хорезма (Снесарев, 1969), у волжских булгар (Халиков, 1978), в Азербайджане (Ibrahimov, 2019), а также в сельджукских художественных мастерских Малой Азии (Gurisik, 2006; Irwin, 1997; Ersay Yüksel, 2023). Во всех этих традициях изображения животных воспринимались как защитные символы, связанные с благополучием и жизненной силой. Они отражали представления о гармонии и устойчивости мира. Подобные параллели свидетельствуют о существовании в Центральной Азии и соседних регионах общей системы представлений, в которой образы животных играли важную роль в передаче сакральных и художественных смыслов (Fischler, 2018, с. 131–135; Алламурадов, 2019, с. 108–109; Ерекешева, 2021, 6–29; Кульсариева и др., 2018, с. 232; Sarshev, 2014, с. 359–367).

Находки зооморфных артефактов. В 2023–2025 гг. на цитадели городища Джанкент были проведены археологические раскопки, организованные Тюркской академией совместно с Кызылординским государственным университетом имени Коркыт-Ата (рис. 1; 2). В результате исследований выявлены новые артефакты с зооморфными изображениями, существенно дополняющие представления о материальной культуре огузского населения. Особый интерес представляют фрагменты образцов и целые подставки с двуглавыми баранами, обнаруженные в помещениях цитадели (рис. 3: 3; 5: 1, 4). Их зооморфный декор свидетельствует о системе символов, отражавшей культово-обрядовую и бытовую сферу жизни огузов. Вероятно, подобные изделия использовались в контексте трапез, жертвоприношений или иных

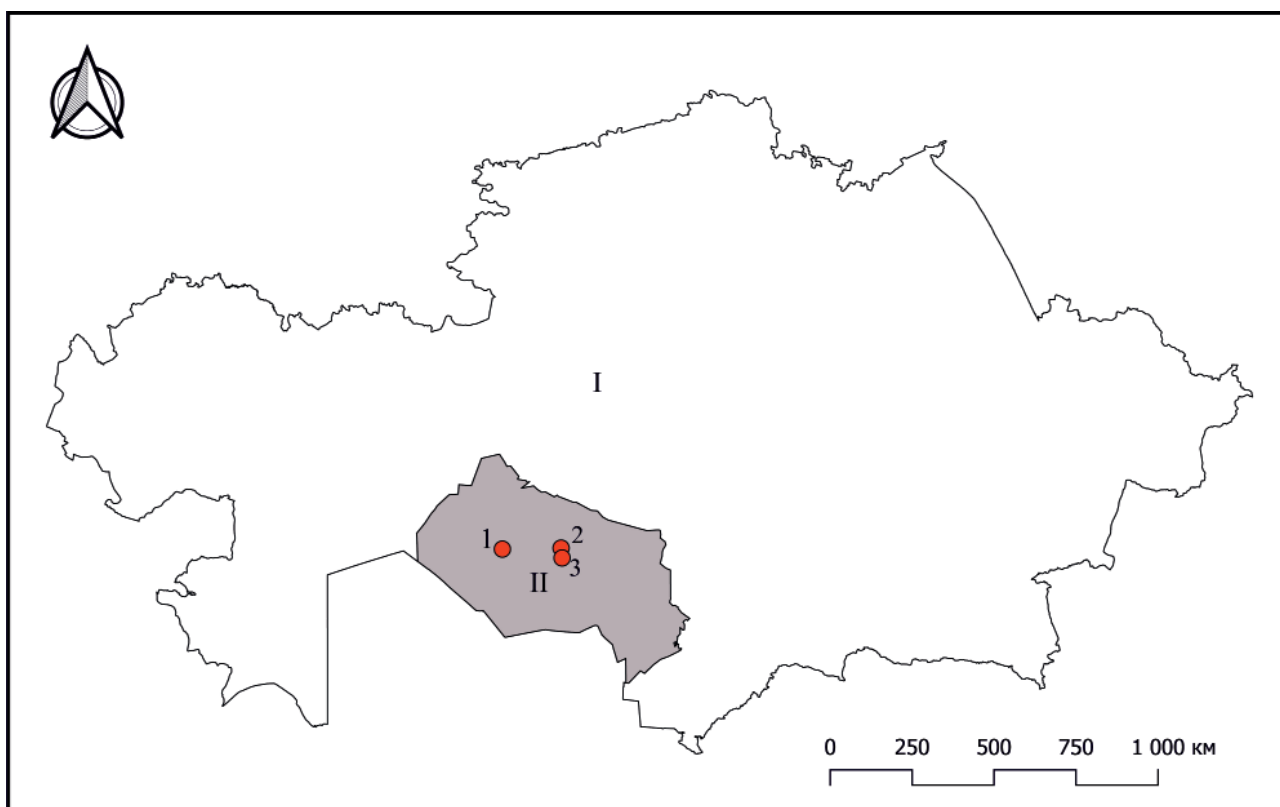

Рис. 1. Карта-схема расположения городищ Нижней Сырдарьи. I – границы Республика Казахстан; II – административные границы Кызылординской области; 1 – городище Джанкент; 2 – мемориальный комплекс Коркыт-Ата; 3 – городище Сортобе (карта выполнена Ш. Амировым, любезно представленный им для данной статьи)

Fig. 1. Sketch-map showing the location of the Lower Syr Darya ancient settlements. I – borders of the Republic of Kazakhstan; II – administrative borders of the Kyzylorda region; 1 – Jankent settlement; 2 – Korkyt-Ata memorial complex; 3 – Sortobe settlement (the map was made by Sh. Amirov and provided by him for this paper).

ритуальных действий. Изображения животных в данном случае, возможно, выполняли не только декоративную, но и семантическую функцию.

Керамические алтари разнообразных форм были широко распространены в средневековый период на территории городских центров вдоль Сырдарьи. При этом среди изображений барана, выявленных в ходе раскопок, наиболее характерной деталью выступали подчеркнута выраженные рога. В городище Отрар, где найдено большое количество подобных изображений, традиция их изготовления сохранялась на протяжении почти двух тысячелетий, что свидетельствует об устойчивости символической значимости этого образа (Байпаков, 1980; Байпаков, Ерзакович, 1990, с. 55, 57–58, 60).

В результате археологических исследований, проведённых на городищах Джанкент и Сортобе, в помещениях, где было обнаружено

значительное количество керамических сосудов местного производства, перед глинобитными очагами выявлены подставки в форме двуглавого барана (рис. 4; 5). Скульптуры баранов, украшавшие очаги, выполняли не только декоративную, но и сакральную функцию: они превращались в домашние алтари и служили центром культового почитания в жилище (Дарменов, Тажекеев, 2018; Литвинский, 1968).

В одном из помещений здесь был выявлен очаг с керамической «очажной подставкой» в виде стилизованного двуглавого барана (рис. 3: 1; 4: 1), обнаруженной в ходе совместных исследований¹, проводившихся в 2005–2009 гг. в жилой застройке северо-восточной части городища Джанкент (Зиливинская, 2013, с. 100; Зиливинская, 2019, с. 92).

В процессе сооружения мемориального комплекса Коркыт-ата была выявлена глиняная скульптура с изображением барана, отно-

Рис. 2. Городище Джанкент. Раскопы 2023–2025 гг. обозначены красным цветом.

Fig. 2. The Jankent settlement. 2023–2025 excavations are marked in red.

сящаяся к раннесредневековому периоду (IX в. н. э.) и отличающаяся миниатюрностью и стилизованной трапезной формы. Обнаруженная протомы по своим морфологическим характеристикам сопоставима со скульптурными элементами, входившими в состав домашних алтарных комплексов, связанных с культом барана, получившим широкое распространение в городских центрах Нижней Сырдарьи в раннем Средневековье (VIII–IX вв.) (рис. 4: 2).

Среди протом VIII–X вв. особое место занимает подставка в виде двуглавого барана, найденная в Джанкенте в ходе археологической экспедиции Д. Воякина в 2006 году (рис. 3; 2). В настоящее время она хранится в археологическом зале Национального музея Республики Казахстан (Астана).

Зооморфные изделия с изображениями баранов, фрагменты которых неоднократно фиксировались на различных памятниках раннесредневековой эпохи, получили определенное освещение в научной литературе. Однако интерпретации их назначения существенно различаются.

Впервые находка подставки *in situ* была осуществлена на городище Джанкент, после чего детальный анализ различных гипотез относительно функций керамических «очажных подставок» был представлен в работах исследователей (Ахатов, Смагулов, 2009, с. 213; Смагулов, 1992; 2004). По их мнению, двусторонние керамические протомы разнообразных форм в сако-сарматской, кангюйской и огузской культурной среде выступали в качестве культовых элементов, использовавшихся при оформлении очагов и домашних алтарей. Их функциональное назначение связано с защитной функцией: они служили для предотвращения неблагоприятных воздействий и обеспечивали сакральную защиту не только очага, но и дома, семьи и общины в целом.

В научной литературе выдвигались различные интерпретации функционального назначения данных предметов. В частности, согласно ряду исследователей, они могли иметь утилитарный характер и использоваться в качестве подставок под котлы или приспособлений для вертела (Нильсен, 1959, с. 73; Пугаченкова, 1986, с. 34–37; Левина,

Рис. 3. Очаги с подставками в форме двуглавого барана, найденные на городище Джанкент.

1–2. по Э. Д. Зиливинской, 2013, 2019; 3 – фотоматериал Тюркской академии

Fig. 3. Cooking stands in the shape of a two-headed ram, found at the Jankent settlement.

1–2. after E.D. Zilivinskaya, 2013, 2019; 3 – photos of the Turkic Academy

1971, с. 73; Брыкина, 1982, с. 80). Г.В. Григорьев предложил для них термин «шашлычница», основываясь на находке из Каунчи-тепа (Смагулов, 2004, с. 90). Однако в более ранней своей работе он относил подобные изделия к категории культовых предметов (Григорьев, 1940, с. 23, 26–27). Ряд исследователей рассматривал их как культовые объекты, благодаря которым очаги в жилище приобретали характер домашних алтарей (Кабанов, 1981, с. 31–32; Смагулов, 1992; 2004). Этой точки зрения последовательно придерживается и Е.А. Смагулов, аргументируя её тем, что хрупкость фигурок, изготовленных из рыхлой глины с большим количеством шамота, исключает возможность установки на них тяжёлого котла, а малая высота «спинки» не позволяет использовать их и в качестве опоры для вертела. Наиболее вероятно, по мнению

исследователя, что данные подставки выполняли функции своеобразных домашних алтарей или оберегов очага. Алтари возводились из сырцового кирпича и имели определённую ориентацию в пространстве – чаще всего с востока на запад или с севера на юг. В центре помещался алтарь размерами около 1×0,9 м, на специальной подставке которого устанавливали протому барана с двумя головами, обращёнными в противоположные стороны. Протома украшалась геометрическим и растительным орнаментом. Перед ней помещался сосуд для разжигания огня, что придавало всей конструкции ритуальный смысл. Подобные сооружения зафиксированы и в других огузских поселениях.

Б.А. Литвинский, исследуя зооморфные изображения божества фарн, отмечал его тесную связь с образом барана, указывая

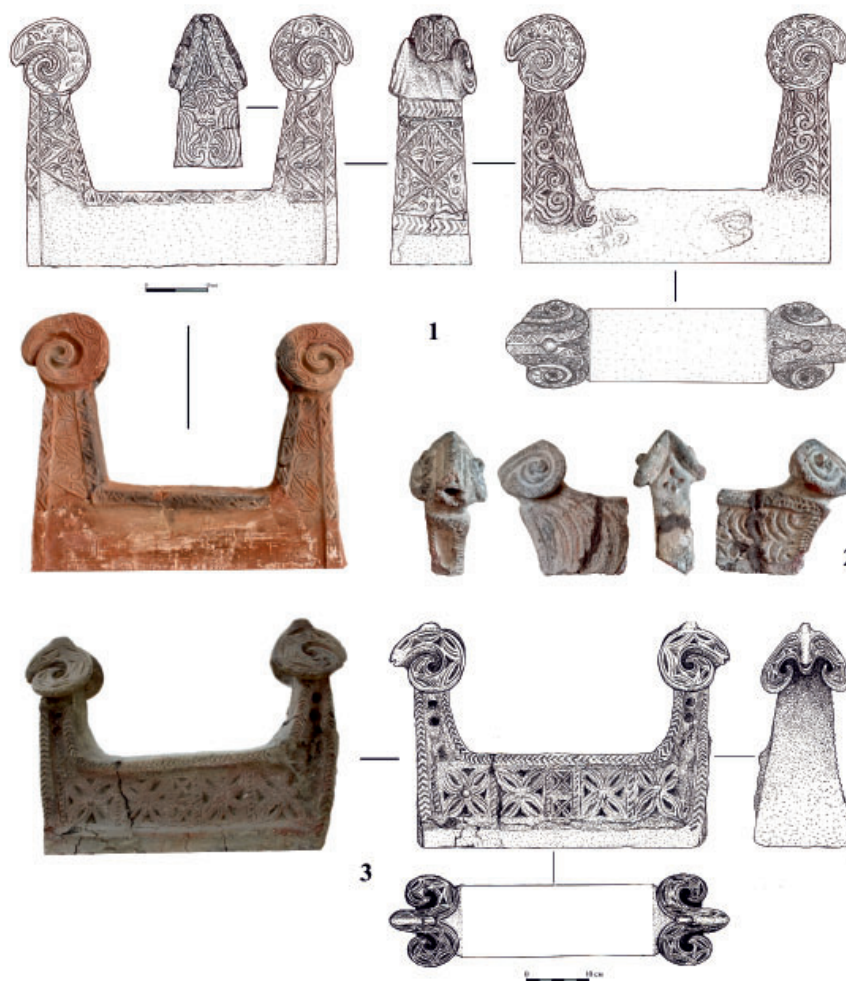

Рис. 4. Протомы барана. 1 – Джанкент; 2 – музей комплекса Коркыт-ата; 3 – Сортобе (графические рисунки А. Назарова).

Fig. 4. Protomae of a ram. 1 – Jankent; 2 – Korkyt-Ata Memorial Complex Museum; 3 – Sortobe (graphic drawings by A. Nazarov)

также на параллели с сарматскими и кангюйскими племенами (Литвинский, 1968). К.М. Байпаков выделяет несколько этапов бытования культа барана: I–VII вв., VIII–XII вв., XIII–XIV вв. и XV–XVIII вв., отмечая устойчивость форм и символики на протяжении веков (Байпаков, 1980, с. 32–45).

Комплексный этнографический анализ культа барана был осуществлён Т. Картаевой и О. Ерданом. С археологической точки зрения авторы показывают важную роль данного образа в петроглифах и материальной культуре раннетюркских народов, тогда как этнографические данные отражают сохранение традиций в казахской культуре: наличие бараньих изваяний на кладбищах Мангистау, поверий, связанных с овцами, а также орнаментов в виде барана на ковровых изделиях (алаша) (Kartaeva, Yerdan, 2020, с. 907–958).

Семантика орнаментов в культовой традиции средневекового Приаралья

Южные регионы Казахстана, прилегающие к долине Сырдарьи, отличаются богатым художественным наследием средневекового периода. Изделия из различных материалов, найденные на данной территории, демонстрируют высокий уровень декоративного оформления и устойчивость традиционных форм. Орнаментальные композиции и декоративные элементы указывают на наличие традиции художественных и мировоззренческих представлений, сохранявшихся на протяжении длительного времени.

Особый интерес представляют глиняные изделия, отличающиеся простотой форм и богатством орнамента. Среди них выделяются предметы культового назначения, выполненные в форме барана, а также утилитарные

изделия – крышки, ручки и иные элементы, декорированные зооморфными мотивами. Символика данных изображений и структура орнаментального ряда остаются недостаточно изученными и требуют дальнейшего комплексного анализа.

В ходе археологических исследований на городищах Сортобе и Джанкент, являвшихся важными центрами Огузского государства в раннем Средневековье, были выявлены многочисленные артефакты, относящиеся к различным историческим периодам. Среди них особое место занимают протомы, выполненные в форме барана, обнаруженные в помещениях культового характера (рис. 4: 1, 3; 5). Расположение данных предметов позволяет предположить их использование в алтарной зоне жилища, имевшей сакральное значение (Тәжекеев и др., 2022). Планировка подобных помещений включала суфы, расположенные вдоль стен и предназначенные для сидения или отдыха. Алтарь, как правило, имел форму, напоминающую овечью шкуру; его углы оформлялись в виде прямоугольных выступов, напоминающих ножки. Согласно данным археологических реконструкций, в центральной части помещения находился открытый очаг, использовавшийся для сохранения тепла.

Преобладание в хозяйстве местного населения скотоводства обусловило широкое распространение зооморфных изображений, связанных с образом барана и овцы. Эти мотивы воспринимались как символы плодородия, изобилия и благополучия, что определило их устойчивое присутствие в орнаментально-декоративной традиции региона. Подобные представления находят подтверждение в этнографических материалах и исследованиях культуры народов Приаралья, где зооморфные образы рассматриваются как важная часть традиционной символики, связанной с хозяйственным укладом и духовными представлениями (Жданко 1959; Алламуратов, 1977, с. 48–49; Богословская, 2009, 2019; Kartaeva, Oralbay, 2020, s. 907–958; Сайпов, 2021, с. 207; Suraganov, 2021, s. 99).

Протомы баранов, оформлявшие очажные подставки, были обнаружены как в целом виде, так и фрагментарно. Орнаментация этих изделий отличается разнообразием: в одних случаях она совпадает, в других – демонстрирует индивидуальные варианты исполнения.

Подставки, найденные в помещениях цитадели, воспроизводят форму образца, выявленного в шахристане. Аналогичные двуглавые экземпляры, как цельные, так и сохранившиеся частично, происходят из жилых помещений цитадели (рис. 3; 4; 5). Орнаментальное оформление подставок сочетает повторяющиеся мотивы, известные по материалам других памятников, с новыми, ранее не фиксировавшимися вариантами. Стилистическое разнообразие орнаментов, вероятно, отражает различия в функциональном назначении подставок, в их символическом содержании либо принадлежности к разным хронологическим этапам или ремесленным традициям.

Подставка из Коркыт-Ата представляет собой небольшую по размеру прямоугольную зооморфную стилизованную скульптуру, изображающую барана (рис. 4: 2). Композиция включает туловище, имитирующее шерсть животного, и голову с загнутыми и направленными в стороны рогами. Обе стороны туловища протомы выполнены по-разному, однако на обеих поверхностях на влажную, еще не обожжённую глину были нанесены линейные узоры, пальцем либо предметом, сопоставимым по толщине с пальцем. Эти узоры визуальнo воспроизводят фактуру шерсти барана или овцы (рис. 6: 13). На одной стороне композиции орнамент представлен ритмичными дугообразными линиями, имитирующими косматую шерсть, тогда как на другой стороне дугообразные линии образуют концентрические полукруглые мотивы, похожие на курчавость овец. Рога и краевые участки туловища украшены штриховкой в виде «ёлочного» геометрического орнамента (рис. 6: 10). Стилизованная форма головы барана характеризуется разветвляющимися в стороны и закругляющимися внутрь рогами, контуром глазной впадины и расположенной внутри её полукруглой выпуклой линией, имитирующей бровь. Изображение глаза очерчено кругом по тому же принципу. При восприятии протомы, несмотря на стилизацию, сохраняет сходство с образом реального животного. Под рельефной линией, начинающейся от верхней части головы, переходящей в выпуклый лоб и завершающейся носовой частью, расположено углублённое отверстие, трактуемое как открытый рот блеющего барана. Четырёхлистный орнамент, нанесённый твёрдым предметом у основания

Рис. 5. Находки протом барана с городища Джанкент (по материалам раскопок разных лет) (графические рисунки А. Назарова (1, 4, 6), Г. Амиргалиной (3))

Fig. 5. Finds of ram protomae from the Jankent site (based on excavation materials from different years) (graphic drawings by A. Nazarov (1, 4, 6), G. Amirgalina (3))

шеи на задней части протомы, выполнен в упрощённой форме и по семантике соотносится с крестом. Мотив «törtqulaq» («четыре уха») в архаическом значении связан с четырьмя сторонами света и воспринимается в контексте солярного культа. Согласно предположению искусствоведа К.К. Муратаева, орнаменты типа «ayqish» (крест), «törtqulaq» («четыре уха») могли восходить к эпохе бронзы и возникнуть как символический отголосок древнего способа добывания огня посредством трения двух камышовых палочек друг о друга (Муратаев, 2013, с. 176). А. Шайгозова и Ш. Наурызбаева считают, что «törtqulaq» – это древний знак, который ассоциируется с источником жизни, непрерывным циклом и бесконечным движением в природе (2003, с. 120–121).

И.Б. Богословская отмечает, что четырёхлепестковый орнамент в каракалпакском декоративном искусстве выступает как «знак гармонии и равновесия мира, выражающий идею единства земного и небесного начал» (Богословская, 1983, с. 54). По её интерпретации, подобные крестовидные композиции не только выполняли декоративную функцию, но и имели сакральное значение, отражая представление о миропорядке и обереговую функцию орнамента.

На протоме в виде барана, найденной в шахристане городища Джанкент (экспедиция 2005–2009 гг., Р-1), образ животного претерпел определённые изменения (рис. 3: 1; 4: 1). Артефакт представляет собой брусок прямоугольного сечения, на концах которого расположены пирамидальные выступы –

«шеи», завершающиеся головами с горбоносой мордой и спиралевидными рогами. Вся поверхность бараньей протомы украшена рядом геометрических и растительных орнаментов. Головные части украшены зигзагообразными линиями, составленными из мелких треугольников; аналогичные полосы проходят вдоль краёв «шеи» и «спины». Внутренние поля орнамента заполнены завитками, напоминающими растительные побеги. На лицевой стороне, обращённой в интерьер помещения, выявлены треугольники с вписанными трёхлепестковыми розетками, тогда как на задних сторонах «шеи» зафиксированы четырёхлепестковые розетки. Композицию дополняют более сложные мотивы, а также орнаментальные элементы, выполненные в виде ромбов и треугольников (Зиливинская, 2013, с. 103–104). На окаймлённых краях и в форме рогов прослеживается линейный рельеф из треугольных элементов, ритмично расположенных друг напротив друга, тогда как тело украшено вьющимся растительным орнаментом, структура которого напоминает букву S (рис. 4: 1).

S-образный орнамент, применявшийся во множестве изделий декоративно-прикладного искусства, имеет свои корни в древнем художественном наследии Средней и Центральной Азии, восходящем к периоду до VI в. н. э. Основными носителями этих мотивов были скифо-сакские племена Приаралья и Алтая, которые поддерживали культурные и художественные контакты с регионами Передней Азии (см. Алламурастов, 2019, с. 117). Этот орнамент, состоящий из линейных узоров, обнаруживает сходство также с древнетюркскими мотивами «qusmoıın» (шея птицы), «qusqanat» (крыло птицы), «qustumsıq» (клюв птицы), «qumırska bel» (талия муравья) и перекликается с древними тотемическими и шаманскими знаками. По мнению Б.И. Вайнберга, тамга в виде значка S на хорезмийских монетах является символикой бараньих рогов и связана с изображениями барана на каунчинской керамике Сырдарьи (Вайнберг, 1977, с. 39). S-образный мотив является одним из широко распространённых элементов орнаментики среди народов, генетически и культурно близких к каракалпакам, включая кыргызов, казахов, полукочевых узбеков, обских угров, мордву, чувашей и башкир (Кармышева, 1955, с. 139; Авижанская и др.,

1964, с. 78, рис. 38/9; Муканов, 1979, с. 65; Мордовский народный..., 1990; Рындина, 1997, с. 204, рис. 16, 14; Мадуров, 2004, с. 20, табл. 2/3; с. 246, табл. 32/9; Kasieva, 2015, с. 655, fig. 1; Тулумбаев и др., 2017, с. 316; Давлатова, 2017, с. 24; Богословская, 2019, с. 167; Доспанов, 2025, с. 292–296; Dospanov, 2025, с. 174–178). В разных этнокультурных традициях этот элемент наделялся специфической символикой: у чувашей он интерпретируется как знак светил, небесного огня, небосвода и гор; обские угры используют его при изображении стилизованных фигур птиц; у казахов мотив известен как S – «bota moıın» (шея верблюжонка), а геометризированная форма знака S в терме гиламах трактуется ковровщиками Байсуна как «tuıa buıın» (шея верблюда); у кыргызов он представлен как S – «ıyt quıriksha» (хвост собаки) или «quchqoroq» (рог); у каракалпаков же знак понимается как «qumırska bel» (талия муравья) либо «gazmoıın» (шея гуся) (Богословская, 2019, с. 167).

В традиционной культуре тюркских народов существовало множество верований и табу, связанных с птицами. Птичьи перья использовались в качестве оберегов: их вешали на колыбель, домбру, прикрепляли к тубетейке ребёнка, к головным уборам и шалим невест, а также к плечам странствующих певцов и музыкантов, чтобы защитить их от сглаза. Наиболее распространённым было поверье, связанное с лебедем. «Лебеди, как и все водоплавающие птицы в тюркской мифологии, одновременно принадлежали двум мирам – Верхнему и Нижнему. Во многих мифах древнетюркская богиня Умай предстает в образе девушки-лебедя» (Шайгозова, Наурызбаева, 2003, с. 138–139). Исходя из этого, можно предположить, что орнаменты, напоминающие мотив «qusmoıın» (шея птицы), имели культовое значение. Например, в мифологии **башкир** образ птицы-лебедя Хумай выступает как божественная птица, владычица птичьего царства, обладающая способностью к перевоплощению; она также связана с солнечной мифологией и функциями покровительства (Илимбетова, 2023, с. 231). В этнографии башкирской религиозно-мифологической системы отмечается, что почитание птиц, таких как лебедь, журавль, утка, входит в число культовых образов, где птицы выступают как посредники, хранители или покровители (Илимбетова, 2023, с. 232). У алтайцев

орнитоморфные мотивы исполняли сакральную функцию на шаманской одежде и бубнах (Каа, Bayraktar, 2025, s. 27). В исследованиях северного Алтая отмечено, что птицы, перья и зооморфные образы в мифологии выступают посредниками между мирами (Кучукова, 2013, с. 23–24). Среди татар Поволжья орнитоморфные мотивы нередко несут символику защиты и генеалогической преемственности (Горшунова, Арефьева, 2020, с. 15). В средневековой казахской культуре и символической, согласно исследованию **А.Ш. Бимендиева**, изображение птиц, особенно в навершиях знамен, могло олицетворять женские божества (в частности, Умай). Птица-знамя нередко трактовалась как «проводник души» и как атрибут власти (Бимендиев, 2016, с. 22). Кроме того, в орнаментальное искусство тюркских народов часто включаются стилизованные изображения птиц и насекомых как часть сакрального и декоративного комплекса (Бакиева, 2015, с. 111). Согласно интерпретации И.В. Богословской, изображения птиц рассматриваются как образы тотемов-покровителей скотоводческих сообществ, тогда как отпечатки следов животных и птиц приобретают характер культовых знаков. Эти мотивы воспроизводились в предметах прикладного искусства с защитной функцией, наделяясь значением оберегов и средств охраны от злых духов (Богословская, 2019, с. 146, 165).

Поскольку протомы были размещены на алтаре, имевшем значительное религиозное значение внутри жилища, украшающие её орнаменты вряд ли были лишь декоративными – они, вероятно, обладали сакральным смыслом. Таким образом, зооморфные мотивы, такие как *qus moyin* и *qusqanat*, могут подчёркивать культовую функцию протомы, указывая на её роль как места связи с сакральным миром. В этом контексте ассоциация с лебедем как символом верности, чистоты и духовной любви становится ещё более уместной, ведь именно лебедь в тюркской и смежных традициях часто выступает как посредник между миром людей и миром духов (как, например, в образе Хумай у башкир).

Спиралевидные бараньи рога на протоме также не являются случайными (рис. 4, 5). В мировоззрении кочевников «спиральный орнамент» по своей форме близок к орнаменту «*qoshqar müyiz*» (бараньи рога). По своему смыслу этот мотив передаёт представления о

движении, жизненной силе, развитии и благополучии. Направление завитка в спиральном орнаменте имеет сакральное значение: если завиток направлен по движению солнца, он соотносится с миром живых; противоположное направление, напротив, символизирует мир мёртвых (Шайгозова, Наурызбаева, 2003, с. 123). Аналогичные представления прослеживаются и у других тюркских народов. Например, у каракалпаков и узбеков спиралевидные формы в орнаменте также ассоциируются с солнцем и движением (Богословская, 2005, с. 89–90) и с таким назначением, как оберег (Снесарев, 1969, с. 315–317). Таким образом, представляется возможным говорить о формировании единой тюркской орнаментальной традиции, в рамках которой мотив рогов барана выступает архетипическим символом силы, мужества и жизненной силы.

На исследуемом скульптурном изделии в виде барана стилизованные формы рогов сочетаются с геометрическими орнаментами, украшающими переднюю и заднюю части. Эти орнаменты состоят из зигзагообразных и треугольных узоров.

Треугольник в мировоззрении тюркских народов, населявших территорию Центральной Азии, воспринимался как амулет (*tumar*), оберегающий от злых сил. Данная форма используется с эпохи андроновской культуры и сохраняет своё символическое значение до наших дней, изменяясь лишь в декоративных деталях (Маргулан, 1998, с. 201; Байпаков, 1986, с. 112; Кузьмина, 1994, с. 117, 124–126).

Расположенные рядами на передней и задней частях шеи протомы треугольные орнаменты, заключённые в квадраты и направленные вершинами к центру, вероятно, отражают идею гармонии и единства. Ниже этих элементов располагаются орнаменты *tuyetaban* (след верблюда), помещённые внутри верхних двух лепестков четырёхлистного орнамента (*törtgöl*), симметрично обращённые друг к другу и соединённые в центре (рис. 6: 4, 7). Орнамент «*tuyetaban*» (след верблюда), по форме напоминающий сердце, в традиционной культуре тюркских народов символизировал богатство, выносливость, силу и жизненную энергию; его изображали на поклаже караванов, упряжи и оберегах, сопровождавших путешествия (Kurbanova, 2023, с. 95; Личман, 2025; Марценюк, 2023). В культовых предметах этот узор могли

использовать, так как он напоминал о вечном пути души. Размещенный парами орнамент «лицом» друг к другу символизировал бесконечное движение человека и его духа между двумя мирами – земным и небесным.

Орнамент «*törtgöl*» представляет собой четырёхчастную композицию, отражающую ориентацию по сторонам света, и связанный с солярной символикой мотив, близкий по форме кресту (рис. 6: 1, 5). В этнографических источниках такие орнаменты рассматриваются как отражение представлений тюркских народов об устройстве и устойчивости мира (Шевцова, 2007; Khazbulatov, Ibragimov, 2021).

Согласно данным реставрационных исследований, поверхность ряда зооморфных протом, в частности выполненных в виде барана, имеет следы копоти, что указывает на их использование в обрядах, связанных с огнём. Подобные изделия, как правило, размещались в непосредственной близости от очага, рядом с сосудами для курящихся масел, что позволяет рассматривать их в ритуально-культовой практике, связанной с почитанием огня. Они могут интерпретироваться как материальные проявления солярно-огненного культа, восходящего к архаическим мифологическим представлениям о сакральной природе огня как источника жизни и очищения (Абдуллаев, 2009; Cywa, 2011).

При рассмотрении культовых протом внимание привлекает крестообразный знак, обнаруженный внутри углубления, вырезанного на верхней части левой рогатой головы (рис. 4: 1). На соответствующем месте правой головы, где должно было находиться аналогичное углубление, виден уплощённый бугорок, по форме напоминающий корону. Наличие на верхней части бараньей головы выступающего бугорка или сквозного отверстия размером с указательный палец человека, в которое палец свободно входит и выходит, наталкивает на размышления о символике этого элемента. На некоторых джанкентских протомах эта деталь представлена в виде небольшой выпуклости на верхней части обеих бараньих голов, тогда как парные отверстия размером с палец расположены на шейных участках. Ассоциативно они напоминают родничок (темя) на черепе человека, открытый у младенцев до трёх лет и постепенно срастающийся.

Основание протомы из Джанкента, найденной в 2006 г. экспедицией Д.А. Воякина,

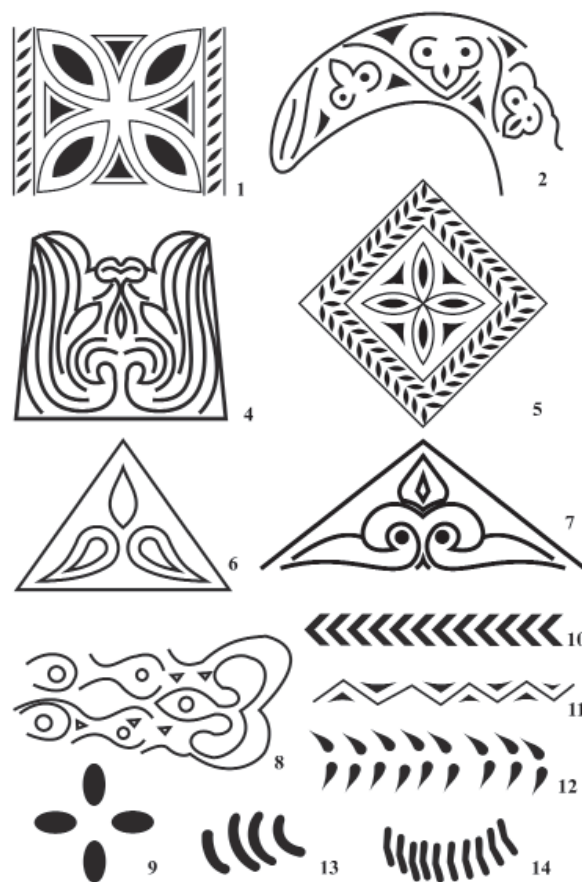

Рис. 6. Орнаментальные мотивы на очажных подставках в форме двуглавого барана (графические рисунки А. Назарова).

Fig. 6. Ornamental motifs on cooking stands in the shape of a two-headed ram (graphic drawings by A. Nazarov).

имеет прямоугольную форму, а стилизованная баранья голова, продолжающая шею, спереди поднимается вертикально вверх и сзади образует перевёрнутую дугобразную арку, соединённую с корпусом (Воякин, 2017). Тело протомы, включая боковые, переднюю и заднюю части, а также витые рога, украшено растительными линейными орнаментами, образующими непрерывные композиционные линии (рис. 3: 2). На неотреставрированной поверхности различимы мотивы «*qoshqar müyüz*» (рога барана) и «*quş qanatı*» (крыло птицы). По краям корпуса проходит орнамент в виде «ёлочки», а декоративный ряд дополнен рельефными бутоновидными элементами, равномерно расположенными по периметру.

К этому же времени относятся протомы из Сортобе, украшенные геометрическими орнаментами (рис. 4: 3). Хотя их форма близка к предыдущим культовым изображениям бара-

на, орнаментация отличается: на теле проходит горизонтальный ряд рельефных и глубоко вырезанных мотивов «törtgöl» (четырёхлистник) (рис. 6: 1, 5). Четыре ленточных орнаментальных пояса разделены посередине двумя вертикальными рядами меньших крестообразных знаков. Геометрические мотивы – квадрат, треугольник, крест – традиционно ассоциируются с идеями изобилия, порядка и единства, характерными для орнаментальных систем раннетюркского времени. Орнаменты на рогах, повторяющие полукруглые очертания лепестков четырёхлистника, отличаются глубокой пластикой и художественной изысканностью. Краевой орнамент в виде «ёлочки» сохраняет традиционное место, придавая композиции завершенность.

Археологические материалы VIII–XI вв. из районов Нижней Сырдарьи и Приаралья свидетельствуют о значительном распространении культа барана и его отражении в ритуальных предметах и бытовой культуре населения. Образ барана фиксируется в различных категориях находок, связанных как с сакральной практикой, так и с повседневной жизнью. Этнографические данные подтверждают длительное сохранение данной символики в орнаментальных мотивах, обрядах и традиционных представлениях тюркских народов. Анализ археологических и этнографических источников позволил установить преемственность культурных традиций и показать устойчивое значение образа барана в системе мировоззренческих и ритуальных представлений населения региона.

Заключение

Култ барана в традиционной культуре тюркских народов представляет собой важный компонент их духовных представлений и художественной системы. С древнейших времён, начиная с эпохи бронзы, образ барана занимал значимое место

в символическом комплексе кочевых обществ Центральной Азии, выступая одновременно жертвенным животным, оберегом домашнего пространства и знаком материального достатка и благополучия рода. Археологические материалы VIII–XI вв. из регионов Нижней Сырдарьи и Приаралья свидетельствуют о том, что представления, связанные с сакральным статусом барана, находили отражение как в ритуальных артефактах, так и в предметах повседневного использования, что указывает на устойчивость данного образа в системе традиционных верований.

В религиозно-мифологическом контексте баран воспринимался как носитель охранительной и жизнеотверной функции, что сближает его с более широкими представлениями о зооморфных символах в мировоззрении тюркских народов. С распространением исламской культуры в регионе наблюдается трансформация изобразительных практик: реалистическая передача животного образа постепенно уступает место условно-стилизованной форме. В результате формируется устойчивый декоративный мотив «qoşqar muiz» («рога барана»), который становится одним из ключевых элементов тюркского орнаментального искусства.

Данный мотив широко использовался в декоративно-прикладном искусстве – при оформлении ковров, войлочных изделий, украшений и предметов быта, выполняя не только эстетическую, но и символическую функцию. Со временем он закрепился как один из наиболее узнаваемых признаков культурной идентичности тюркских народов. Таким образом, образ барана, пройдя эволюцию от сакрально-ритуального символа к орнаментальной форме, сохранил своё значение в системе традиционной культуры, демонстрируя преемственность мировоззренческих и художественных представлений.

Примечание:

¹ Исследования Кызылординского государственного университета им. Коркыт-Ата, Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН и Института археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК.

ЛИТЕРАТУРА

- Абдуллаев К. Култ хаомы в древней Центральной Азии. Самарканд: МИЦАИ, 2009. 120 с.
- Авижанская С.А., Бикбулатов Н.В., Кузеев Р.Г. Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1964. 260 с.
- Алламурастов А. Каракалпакская народная вышивка. Нукус: Каракалпакстан, 1977. 80 с.
- Алламурастов А. Каракалпакское декоративно-прикладное искусство. Вопросы художественного своеобразие / Архивные материалы Центральной Азии. Том VI. Самарканд: МИЦАИ, 2019. 220 с.

Аль-Истахри. Извлечение из «Kitāb al-Masālik wa-l-Mamālik» (Книга путей и стран). Пер. С. Волина // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. VII–XV вв. Арабские и персидские источники / Под ред. С. Волина, А.А. Ромаскевича, А.Ю. Якубовского. М.; Л.: АН СССР, 1939. С. 167–180.

Аль-Макдиси. Извлечения из «Aḥsan at-taqāsīm fī maʿrifat al-aqālīm» (Лучшее разделение для познания областей). Пер. С. Волина // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. VII–XV вв. Арабские и персидские источники / Под ред. С. Волина, А.А. Ромаскевича, А.Ю. Якубовского. М.; Л.: АН СССР, 1939. С. 184–208.

Аль-Масуди. Извлечения из «Murūj adh-dhahab wa maʿādin al-jawāhir» (Золотые луга и россыпи драгоценностей) (пер. С. Волина) // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. VII–XV вв. Арабские и персидские источники / Под ред. С. Волина, А.А. Ромаскевича, А.Ю. Якубовского. М.; Л.: АН СССР, 1939. С. 166–167.

Амиргалина Г.Т. Керамический комплекс // Комплексные исследования городища Джанкент (работы 2011–2014 гг.) / сост. И.А. Аржанцева, А.А. Тажекеев. Алматы: Арыс, 2014. С. 188–240.

Аржанцева И.А. Хорезм. История открытий и исследований. Этнографический альбом. Ульяновск: Артишок, 2016. 288 с.

Аржанцева И.А., Болелов С.Б., Тажекеев А.А. История исследований Хорезмской экспедиции на землях Сыра. М.: Олеабук, 2018. 312 с.

Аржанцева И.А., Рузанова С.А. Исследование «болотных городищ»: архивы и новые материалы // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий / МИАР. Вып. 13 / Отв. ред. М.М. Герасимова, В.Ю. Малашев, М.Г. Мошкова. М.: Таус, 2010. С. 394–410.

Ахатов Г.А., Смагулов Т.Н. Археологические исследования городища Жанкент // Археологиялык зерттеулер жайлы есеп (Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие в 2008 году» / Жалпы редакциясын баскарган К. М. Байпаков. Алматы, 2009. С. 212–215.

Байпаков К.М. Культ барана у сырдарьинских племен // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1980. С. 32–45.

Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI – начало XIII). Алма-Ата: Наука, 1986. 256 с.

Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. Алматы: Гылым, 1998. 216 с.

Байпаков К.М., Авизова А.К. Тамгообразные знаки на керамике с памятников Отрарского оазиса доарабской эпохи // Поволжская археология. 2017. № 3 (21). С. 155–167.

Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Керамика средневекового Отрара. Альбом. Алматы: Онер, 1990. 212 с.

Байпаков К.М., Құрманқұлов Ж. Сырдарияның көне сағалары қалыптасу және қоныстану тарихы // Қазақстан Республикасы Қызылорда облысының тарихи-мәдени ескерткіштерінің жинағы: Қызылорда облысы / Жауапты редактор М. Елеуов, Ж. Жетібаев. Алматы: Аруна, 2011. 9–44 бб.

Бакиева О.А. Орнаментальное искусство тюркских народов – культурное наследие России (на примере татарской и чувашской вышивки) // Педагогика искусства. 2015. № 4. С. 108–114.

Баринаева Е.Б. Этнокультурные контакты средневекового населения Восточного Приаралья по данным археологических исследований XX века // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2018. Т. 10. № 3. С. 261–269.

Бартольд В.В. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. Т. 2. Часть 2. М.: Наука, 1964. 661 с.

Хаванский А.И., Бисембаев А.А., Дуйсенгали М.Н., Баиров Н.М., Амелин В.А., Бидагулов Н.Т. Погребение среднего бронзового века могильника Щилисай II // “Маргулановские чтения – 2018. Духовная модернизация и археологическое наследие (19–20 апреля 2018 года)” / Гл. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы-Актобэ: Типография ЖК С. Т. Жанәділов, 2018. С. 188–193.

Билалов С.У., Тажекеев А.А., Дарменов Р.Т., Сұлтанжанов Ж.Қ., Амиргалина Г.Т., Курманиязов Ы.С., Назаров А.Ж. Археологические работы на городище Джанкент в полевых сезонах 2020–2021 гг. // Маргулановские чтения-2021: материалы международной научно-практической конференции «Великая степь в контексте этнокультурных исследований» посвященной 30-летию Независимости Республики Казахстан и 30 летию Института археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, 26–27 октября 2021

г.). В 3-х томах. Т. 2 / Отв. ред. Б. А. Байтанаев, Т.Б. Мамиров. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2021. С. 138–153.

Бимендиев А.Ш. К проблеме образа птиц в навершиях знамен у казахских правителей средневековья // *Отан тарихы*. 2016. № 2. С. 12–36.

Богословская И.В. Зооморфные мотивы каракалпакского орнаментального искусства // *Sanat*. 01/04/2009. Вып. №2. Доступно по URL: https://sanat.orexca.com/2009-rus/2009-2-2/irina_bogoslovskaya (08.04.2026)

Богословская И.В. Каракалпакский орнамент: образ и смысл. Алматы: МИЦАИ, 2019. 119 с.

Брыкина Г.А. Юго-Западная Фергана в первой половине I тыс. нашей эры. М.: Наука, 1982. 200 с.

Вайнберг Б.И. Монеты древнего Хорезма. М.: Наука, 1977. 195 с.

Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи VII–V вв. до н.э. / ТХАЭЭ. Т. VIII. М.: Наука, 1973. 160 с.

Воякин Д.А. Жанкент қаласы // Қазақстанның киелі орындарының географиясы / Табиғат, археология, этнография және сәулет өнері нысандарының тізілімі. Под общ. Ред. Байтанаев Б.Ә. Алматы: Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, 2017. 1-шығарылым. Б. 504–507.

Гардизи. Извлечение из «Зайн ал-ахбар» (Украшение известий). Пер. А.А. Ромаскевича // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. VII–XV вв. Арабские и персидские источники / Под ред. С. Волина, А.А. Ромаскевича, А.Ю. Якубовского. М.; Л.: АН СССР, 1939. С. 227–233.

Города огузов Приаралья в истории культуры тюрок (раскопки городища Жанкент) (Отчет о научно-исследовательской работе по итогам 2023 года). Астана: Тюркская Академия, 2024. 234 с.

Горишунова О.В., Арефьева К.И. Орнитоморфные мотивы в орнаменте татар среднего Поволжья // Бюллетень Международного центра "Искусство и образование". 2020. № 4. С. 1–35.

Григорьев Г.В. Каунчитепа (раскопки 1935 г.). Ташкент: УзФан, 1940. 64 с.

Давлатова С. Семантика символов в узбекском традиционном ремесленном производстве // *Euroasia Journal of Social Sciences & Humanities*. 2017. Vol 4. P. 21–34.

Дарменов Р.Т., Тажекеев А.А. Ритуальные очаги на городище Жанкент // Народы и религии Евразии. 2018. № 4 (17). С. 109–122.

Доспанов О.Т. Трансформация S-образных знаков: археолого-этнографический синтез на материалах Каракалпакстана // *O‘zbekiston arxeologiyasi muammolari / Mas’ul muharrir. F. A. Maqsudov. Toshkent: O‘zbekiston Respublikasi Fanlar Akademiyasi*, 2025. S. 292–296.

Ерекешева Л. Г. Религия и искусство репрезентации: символизм зооморфного стиля в Центральной Азии // Новые исследования Тувы. 2021. № 1. С. 6–29. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.1.1>

Жданко Т. А. Народное орнаментальное искусство каракалпаков // Материалы и исследования по этнографии каракалпаков / ТХАЭЭ. Т. 3 / Ред. Т.А. Жданко. М.: АН СССР, 1959. С. 383–423.

У моря барханов, на земле такыров: сборник воспоминаний о Т. А. Жданко / авт., сост. И. В. Богословская. Ташкент: San'at, 2021. 319 с.

Зиливинская Э.Д. Очаги жилого комплекса на городище Джанкент // Известия Национальной Академии наук Республики Казахстан. 2013. Вып. 3. С. 100–109.

Зиливинская Э.Д. Очаги жилого комплекса на городище Джанкент в южном Казахстане // РА. 2019. № 1. С. 87–100.

Ибн Хаукаль. Извлечения из «Sūrat al-Arḍ» (Книга изображения Земли), (Kitāb al-Masālik wa-l-Mamālik) (пер. С. Волина) // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. VII–XV вв. Арабские и персидские источники / под ред. С. Волина, А.А. Ромаскевича, А.Ю. Якубовского. М.; Л.: АН СССР, 1939. С. 181–183.

Илимбетова А.Ф. Культ птиц в религиозно-мифологической системе башкир // Самарский научный вестник. 2023. Т. 12. № 1. С. 230–234.

Кабанов А.В. Символика очага в жилищной культуре средневековых кочевников // Вестник древней истории. 1981. № 4. С. 30–35.

Кармышева Б. Локайские мапрачи и ильгичи // История и этнография / Сообщения Республиканского историко-краеведческого музея. Вып. 2 / Ред. Н.А. Кисляков. Сталинабад: Республиканский историко-краеведческий музей Таджикской ССР, 1955. С. 121–160.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: ВИНТИ, 1994. 464 с.

Кулсариева А., Султанова М., Шайгозова Ж. Шаманская вселенная кочевников Центральной Азии: волки и волчицы // *Nomadism i nomadologia. Przegląd Wschodnioeuropejski*. 2018. IX/2. Р. 231–240.

Курманкулов Ж.К., Аржанцева И.А., Зиливинская Э.Д., Рузанова С.А., Сыдыкова Ж.Т. Материалы Джанкентской археологической экспедиции. Кызылординской государственный университет им. Коркыт Ата. Кызылорда: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Институт археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК, 2007. 124 с.

Курманкулов Ж.К., Болелов С.Б., Утубаев Ж.Р. Древние земледельцы низовьев Сырдарьи / Труды Института археологии им. А.Х. Маргулана. Т. I. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2021. 322 с.

Кучукова Д.А. Зооморфные образы в мифологии северных алтайцев: к проблеме этнокультурных контактов народов Сибири // *Вестник Тюменского государственного университета*. 2013. № 2. С. 21–26.

Левина Л.М. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетии н.э. / ТХАЭЭ. Т. VII. М.: Наука, 1971. 252 с.

Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н. э. – I тысячелетие н. э. М.: Восточная лит-ра, 1996. 396 с.

Литвинский Б.А. Кангуйско-сарматский фарн (к историко-культурным связям племен южной России и Средней Азии). Душанбе: Дониш, 1968. 126 с.

Личман Е.Ю. Знаки – символы традиционного казахского искусства. Доступно по URL: <http://econf.rae.ru/article/7500> (дата обращения: 06.11.2025).

Мадуров Д. Ф. Традиционное декоративное искусство и праздники чувашей. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. 287 с., ил.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура центрального Казахстана. Сочинения. Том. 1. Алматы: Атамура, 1998. 400 с.

Марценюк Т. Казахский орнамент: значение для народа и самые знаковые символы. <https://www.nur.kz/family/school/1551418-kazakhskiy-ornament-ego-znachenie/> (дата обращения: 26 мая 2023)

Мордовский народный костюм. Сост. Т.П. Прокина, М.И. Сурина. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1990. 384 с.

Муканов М.С. Казахские домашние художественные ремесла. Алма-Ата: «Казахстан», 1979. 120 с.

Мұратаев Қ.Қ. Халықтық және қолданбалы-сәндік өнер. Қазақ өнері 5 томдық. II том. Альбом. Алматы: Елнұр, 2013. 176 б.

Нильсен В.А. Кызыл-кыр // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 1 / Отв. ред. В. А. Шишкин. Ташкент: Фан, 1959. С. 60–79.

Пугаченкова Г.А. Очажные подставки из Булакбаши (к идеологии древнего скотоводческого населения Самаркандского Согда) // *Общественные науки в Узбекистане*. 1986. № 5. С. 34–37.

Рындина О.М. Орнамент // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск: Издательство Томского университета, 1995. 640 с.

Сайпов С. Орнаментация неполивной керамики Хорезма в золотоордынский период // ИМКУ. Вып. 41. Самарканд, 2021. С. 207–216.

Самашев З., Цэвээндорж Д., Онгарулы А., Чотбаев А. Ежелгі түріктердің шивээт улаан ғұрыптық кешені. Астана: Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының Астана қаласындағы филиалының баспа тобы, 2016. 272 б.

Смагулов Е.А. Комплекс ритуальных атрибутов из Отрарского оазиса // Археологические исследования в Казахстане / Отв. ред. А. Н. Марьяшев. Алма-Ата: КазГПУ им. Абая, 1992. С. 34–43.

Смагулов Е.А. «Шашлычніцы» Алтынтобе // Известия МОН РК НАН РК. Сер. Общественных наук. 2004. № 1. С. 90–108.

Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.: Наука, 1969. 338 с.

Тәжеев Ә.Ә., Сұлтанжанов Ж.К., Құрманиязов Ы.С., Бейсембаева Л.С. 2020–2021 жж. Ортағасырлық Алтын-асар және Жанкент қалашықтарында жүргізілген ғылыми-қайта қалпына келтіру жұмыстарының нәтижелері // Марғұлан оқулары 2022: халықаралық ғылыми-тәжірбиелік конферен-

ция материалдары (Алматы қ. 12–13 сәуір 2022 ж.). Алматы: Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, 2022. Б. 411–418.

Толстов С.П. Города гузов // СЭ. 1947. № 3. С. 55–102.

Толстов С.П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М.: МГУ, 1948. 433 с.

Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: Вост. лит-ра, 1962. 321 с.

Тулумбаев В.З., Халилова А.Д., Хабибуллина З.А. Башкирский орнамент: этнолингвистический анализ // Мир науки, культуры, образования. № 5 (66) 2017. С. 315–318.

Халиков А.Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань: Татарское книжное издательство, 1978. 160 с.

Шайгозова А., Наурызбаева Ш. Орнамент в традиционной культуре Казахстана. Алматы: Өнер, 2003. 320 с.

Шевцова А.А. Казахский народный орнамент: истоки и традиции. М.: Казахская диаспора, 2007. 239 с.

Agacanov S.G. Oğuzlar. Istanbul: Selenge Yayınları, 2002. 454 p.

Cywa Katarzyna. Use of wood in the ancient cult of fire temple at Mele Hairam (South-Western Turkmenistan), based on preliminary charcoal analysis // SAGVNTVM Extra, 2011. P. 151–152.

Dospanov O. Interactive and Chronological Museum Practices: The Case of the Igor Savitsky State Museum of Arts of Karakalpakstan // Journal of International Museum Education. 2025. Vol. 7. No. 1, 174–178. <https://dergipark.org.tr/en/pub/jimuseumed>.

Ersay Yüksel Ayşe. Tebriz Azerbaycan Müzesi'ndeki koç-koyun başlı mezar taşları // [International Journal of Social and Humanities Sciences Research \(JSHSR\)](#). Cilt 10 Sayı 94 (2023). S. 843–857.

Fischler Albert. Philosophical Heritage of the Turkic Peoples. Sacred Animals in the Life of Turkic World, in Kazakhstan and Kyrgyzstan // Journal of Philosophy, Culture and Political Science. 2018. No 4 (66). P. 131–135.

Gurisik Selcuk Halil MA. The Paradox and Contradictions in Cultural Value and Exchange Worth of Anatolian Hand-crafted Wool Felted Textiles: A Thesis Submitted in Partial Fulfilment of the Requirements of The University of the Arts London for the Degree of Doctor of Philosophy. 2006. 327 p.

Ibrahimov T. I. Sculptural Arts of Caucasian Albania. Baku: Ecoprint, 2019. 102 p.

Irwin Robert. Islamic art in context: art, architecture and the literary world. New York, Henry N. Abrams Inc., 1997. 272 p.

Kartaeva Tattigül., Yerdan Oralbay. Ethnoarchaeological Approach to the Cult of Ram in Traditional Kazakh Culture // Belleten Aralık. 2020. Cilt 84, Sayı 301. P. 907–958.

Kasieva A. Symbolic Analysis and Classification of Kyrgyz Patterns and Ornaments // Turkish Studies. International Periodical for The Languages, Literature and History of Turkish or Turkic. Vol. 10/4. Winter 2015. P. 637–658.

Kaya Özlem, Bayraktar Zülfikar. Function and Meaning in the Costumes of Altai and Siberian Shamans // Folklor/edebiyat – folklore&literature. 2025. Vol. 31(1). Issue 21, winter.

Khazbulatov A.R., Ibragimov A.I. Ornament as a language of culture: tradition and modernity // Pedagogics and Psychology. № 3(48), 2021. P. 265–276.

Kurbanova Z. Karakalpak Ornamental Art // Uzbekistan Airways. 2023. Vol. 3 (116), winter, C. 92–97.

Sapashev O., Samashev S., Abilbekuly A. Turkic Symbols and Images of Totemic Animals: From a Semiotic Perspective // Қазақстан археологиясы. 2024. No 4 (26) P. 359–367.

Shoraev B.K., Sultanzhanov Zh.K. A Review of Written Sources About Oguz Citiesin Kazakhstan's Section of the Great Silk Road // Bulletin of history. 2021. No 2 (101). P. 34–42.

Suraganov S.K. The leading ornamental motif koshkar muyiz in Kazakh ornamentation: in search of the primordial // Turkic Studies Journal. 2021. Vol. 3. No 2. P. 99–110.

Информация об авторах:

Назаров Агабек Женисбекулы, PhD докторант 3-го курса кафедры «Декоративно-прикладное искусство» Казахской Национальной Академии искусств имени Темирбека Жургенова, магистр искусствоведческих наук (Алматы, Казахстан); diz_agabek@mail.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7925-9266>

Искандерова Айсулу Джапбарбергеновна, кандидат исторических наук. Самаркандский институт археологии им. Я. Гулямова; Каракалпакский научно-исследовательский институт гуманитарных наук Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан (Самарканд, Нукус); aysulu.iskander@gmail.com; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7164-2914>

Халыков Кабыл, профессор кафедры сценографии, Казахская национальная академия искусств имени Темирбека Жургенова, факультет театрального искусства (Алматы, Казахстан); kabykh@gmail.com; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2515-6752>

REFERENCES

Abdullaev, K. 2009. *Kul't khaomy v drevney Tsentral'noy Azii (The Cult of Khaoma in Ancient Central Asia)*. Samarkand: International Institute for Central Asian Studies (in Russian).

Avizhanskaya, S. A., Bikbulatov, N. V., Kuzeev, R. G. 1964. *Dekorativno-prikladnoe iskusstvo bashkir (Decorative and applied art of the Bashkirs)*. Ufa: Academy of Sciences of the USSR, Bashkir Branch, Institute of History, Language, and Literature (in Russian).

Allamuratov, A. 1977. *Karakalpakskaya narodnaya vyshivka (Karakalpak traditional embroidery)*. Nukus: "Karakalpakstan" Publ. (in Russian).

Allamuratov, A. 2019. *Karakalpakskoe dekorativno-prikladnoe iskusstvo. Voprosy khudozhestvennogo svoeobrazii (Karakalpak decorative and applied art. Issues of artistic originality)*. Series:

Arkhivnye materialy Tsentralnoi Azii (Archival materials of Central Asia) 6. Samarkand: IICAS (in Russian).

Al'-Istakhri. 1939. In Volin, S. L., Romaskevich, A. A., Yakubovskii, A. Yu. (ed.). *Materialy po istorii turkmen i Turkmenii (Materials on the history of the Turkmens and Turkmenistan)* 1. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 167–180 (in Russian).

Al'-Makdisi. 1939. In Volin, S. L., Romaskevich, A. A., Yakubovskii, A. Yu. (ed.). *Materialy po istorii turkmen i Turkmenii (Materials on the history of the Turkmens and Turkmenistan)* 1. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 184–208 (in Russian).

Al'-Makdisi. 1939. In Volin, S. L., Romaskevich, A. A., Yakubovskii, A. Yu. (ed.). *Materialy po istorii turkmen i Turkmenii (Materials on the history of the Turkmens and Turkmenistan)* 1. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 166–167 (in Russian).

Amirgalina, G. T. 2014. In Arzhantseva, I. A., Tazhekeev, A. A. (comp.). *Kompleksnye issledovaniia gorodishcha Dzhankent (raboty 2011–2014 gg.) (Comprehensive research of the Jankent settlement (excavations 2011–2014))*. Almaty: "Arys" Publ., 188–240 (in Russian).

Arzhantseva, I. A. 2016. *Khorezm. Istoriia otkrytii i issledovaniia. Etnograficheskii al'bom (Khorezm. History of Discoveries and Studies. Ethnographic Album)*. Ul'ianovsk: "Artishok" Publ. (in Russian).

Arzhantseva, I. A., Bolelov, S. B., Tazhekeev, A. A. 2018. *Istoriya issledovaniy Khorezmskoj ehkspeditsii na zemlyakh Syra (History of the Khwarazm expedition research in the lands of the Syr Darya)*. Moscow: "Oleabuk" Publ. (in Russian).

Arzhantseva, I. A., Ruzanova, S. A. 2010. In Gerasimova, M. M., Malashev, V. Yu., Moshkova, M. G. (eds.). *Arkheologiya i paleoantropologiya evraziiskikh stepei i sopredel'nykh territorii (Archaeology and Paleoanthropology of Eurasian Steppes and Adjacent Territories)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii (Materials and Studies in the Russian Archaeology) 13. Moscow: "Taus" Publ., 394–410 (in Russian).

Akhatov, G. A., Smagulov, T. N. 2009. In Baipakov, K. M. (ed.). *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniakh po Gosudarstvennoi programme «Kulturnoe nasledie v 2008 godu (Report on archaeological research as a part of the state program "Cultural heritage in 2008)*. Almaty, 212–215 (in Russian).

Baipakov, K. M. 1980. In Akishev, K. A. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia drevnego i srednevekovogo Kazakhstana (Archaeological Studies of Ancient and Medieval Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ., 32–45 (in Russian).

Baipakov, K. M. 1986. *Srednevekovaya gorodskaya kul'tura Yuzhnogo Kazakhstana i Semirech'ya (VI – nachalo XIII) (Medieval urban culture of South Kazakhstan and Semirechye (VI – beginning of XIII))*. Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).

Baipakov, K. M. 1998. *Srednevekovye goroda Kazakhstana na Velikom Shelkovom puti (Medieval cities of Kazakhstan on the Great Silk Road)*. Almaty: "Gylym" Publ. (in Russian).

- Baipakov, K. M., Avizova, A.K. 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 21 (3), 155–167 (in Russian).
- Baipakov, K. M., Erzakovich, L. B. 1990. *Keramika srednevekovogo Otrar. Al'bom (Medieval Otrar ceramics. Album)*. Almaty: "Oner" Publ. (in Russian).
- Baipakov, K. M., Kurmankulov, Zh. 2011. In Eleuov, M., Zhetibaev, Zh. (eds.). *Qazaqstan Respublikasy Kyzylorda oblysynyn tarikhi-ma'deni eskertkishternin zhinag'y: Kyzylorda oblysy (Collection of historical and cultural monuments of the Kyzylorda region of the Republic of Kazakhstan: Kyzylorda region)*. Almaty: "Aruna" Publ., 9–44 (in Kazakh).
- Bakieva, O. A. 2015. In *Pedagogika iskusstva (Art pedagogy)* 4, 108–114 (in Russian).
- Barinova, E. B. 2018. In *Vestnik RUDN. Seriya Vseobshchaya Istoriya (RUDN Journal of World History. Universal History Series)* 10 (3), 261–269 (in Russian).
- Bartol'd, V. V. 1964. *Raboty po otдел'ny'm problemam istorii Srednej Azii (Works on specific issues of the history of Central Asia)*. Vol. 2. Part 2. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Khavanskiy, A. I., Bisembaev, A. A., Duysengali, M. N., Bairov, N. M., Amelin, V. A., Bidagulov, N. T. 2018. In Baitanayev, B.A. (ed.). *Margulanovskie chteniya – 2018. Dukhovnaya modernizatsiya i arkheologicheskoe nasledie (19–20 aprelya 2018 goda) (Margulan Readings – 2018. Spiritual Modernization and Archaeological Heritage (April 19–20, 2018))*. Almaty-Aktobe: ZHK "S. T. Zhanadilov Tipografy" Publ., 188–193 (in Russian).
- Bilalov, S. U., Tazhekeev, A. A., Darmenov, R. T., Sultanzhanov, Zh. Q. Amirgalina, G. T., Qurmaniyazov, I. S., Nazarov, A. Zh. 2021. In Baitanaev, B. A., Mamirov, T. B. (eds.). *Margulanovskie chteniya-2021: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Velikaia step v kontekste etnokulturnykh issledovaniy» posviashchennoi 30-letiiu Nezavisimosti Respubliki Kazakhstan i 30 letiiu Instituta arkheologii im. A.Kh. Margulana (g.Almaty, 26–27 oktiabria 2021 g.) (Margulan readings–2021: proceedings of the International scientific and practical conference "The Great Steppe in the Context of Ethnocultural Research", dedicated to the 30th anniversary of Independence of the Republic of Kazakhstan and the 30th anniversary of the A.Kh. Margulan Archaeology Institute (Almaty, October 26–27, 2021))*. Vol. 2. Almaty: A.Kh. Margulan Archaeology Institute, 138–153 (in Russian).
- Bimendiev, A. Sh. 2016. *Otan tarikhy (History of the homeland)* (2), 12–36 (in Russian).
- Bogoslovskaya, I. V. 2009. In *Sanat (Art)*. (2). Available at: https://sanat.orexca.com/2009-rus/2009-2-2/irina_bogoslovskaya (Accessed: 08.04.2026) (in Russian).
- Bogoslovskaya, I. B. 2019. *Karakalpakskij ornament: obraz i smysl (Karakalpak ornament: image and meaning)*. Almaty: IICAS (in Russian).
- Brykina, G. A. 1982. *Iugo-Zapadnaia Fergana v pervoi polovine I tys. nashei ery (Southwestern Fergana in the first half of the I millennium AD)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Vainberg, B. I. 1977. *Monety drevnego Khorezma (Coins of Ancient Khwarezm)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Vishnevskaya, O. A. 1973. *Kul'tura saksikh plemen nizov'ev Syrdar'i v VII–V vv. do n.e.: po materialam Uigaraka (Culture of the Saka Tribes of the Lower reaches of the Syr Darya in the 7th – 5th cc. B.C.: Based on Materials from Uigarak)*. Series: Trudy Khorezmskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Khwarezm Archaeological and Ethnographic Expedition) 8. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Voyakin, D. A. 2017. In Baitanaev, B. A. (ed.). *Kazakstannyi kielii oryndarynyy geografiiy. Tabizat, arkheologii, etnografiya zhane saulet oneri nysandarynyy tizilimi (Geography of sacred places of Kazakhstan. Register of objects of nature, archaeology, ethnography and architecture)*. Almaty: A.Kh. Margulan Archaeology Institute, 504–507 (in Kazakh).
- Gardizi. 1939. In Volin, S. L., Romaskevich, A. A., Yakubovskii, A. Yu. (ed.). *Materialy po istorii turkmen i Turkmenii (Materials on the history of the Turkmens and Turkmenistan)* 1. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 227–233 (in Russian).
2024. *Goroda oguzov Priaral'ya v istorii kul'tury tyurkov (raskopki gorodishha Zhankent) (Otchet o nauchno-issledovatel'skoj rabote po itogam 2023 goda) ((Oghuz cities of the Aral Sea region in the history of Turkic culture (excavations of the Jankent settlement) (Report on 2023 research work))*. 2024. Astana: The Turkic Academy (in Russian).
- Gorshunova, O. V., Arefeva, K. I. 2020. In *Byulleten' Mezhdunarodnogo tsentra "Iskusstvo i obrazovanie" (Bulletin of the international centre of art and education)* 4, 1–35 (in Russian).

- Grigor'ev, G. V. 1940. *Kaunchitepa (raskopki 1935 g.)* ((1935 excavation works at the Kaunchitepa site). Tashkent: "UzFan" Publ. (in Russian).
- Davlatova, S. 2017. In *Euroasia Journal of Social Sciences & Humanities* (4), 21–34 (in Russian).
- Darmenov, R. T., Tazhekeev, A. A. 2018. In *Narody i religii Evrazii (Nations and Religion of Eurasia)* 4 (17), 109–122 (in Russian).
- Dospanov O.T. 2025. In Maksudov, F. A. (ed.). *O'zbekiston arxeologiyasi muammolari (Issues of the archaeology of Uzbekistan)*. Tashkent: Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, 292–296 (in Russian).
- Erekhesheva, L. G. 2021. In *Novye issledovaniia Tuvy (The New Research of Tuva)* 1, 6–29 (in Russian).
- Zhdanko, T. A. 1959. In Zhdanko, T. A. (ed.). *Materialy i issledovaniia po etnografii karakalpakov (Materials and research in the ethnography of the Karakalpakhs)*. Series: Trudy Khorezmskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Khwarezm Archaeological and Ethnographic Expedition) 3. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 383–423 (in Russian).
- Bogoslovskaya, I. V. (comp.). 2021. *U morya barkhanov, na zemle takyrov: sbornik vospominanij o T.A. Zhdanko (At the sea of sand dunes and on the land of takyrs: a collection of memoirs about T.A. Zhdanko)*. Tashkent: "San'at" Publ. (in Russian).
- Zilivinskaya, E. D. 2013. In *Izvestiia Natsional'noi Akademii nauk Respubliki Kazakhstan (Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan)* 3, 100–109 (in Russian).
- Zilivinskaya, E. D. 2019. In *Rossiiskaya arheologiya (Russian Archaeology)* 1, 87–100 (in Russian).
- Ibn Khaukal'. 1939. In Volin, S. L., Romaskevich, A. A., Yakubovskii, A. Yu. (ed.). *Materialy po istorii turkmen i Turkmenii (Materials on the history of the Turkmens and Turkmenistan)* 1. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 181–183 (in Russian).
- Ilimbetova, A.F. 2023. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Scientific Bulletin)* 12 (1), 230–234 (in Russian).
- Kabanov, A. V. 1981. In *Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History)* 4, 30–35 (in Russian).
- Karmysheva, B. 1955. In Kislyakov, N.A. (ed.). *Istoriia i etnografiia (History and ethnography)*. Series: Soobshcheniia Respublikanskogo istoriko-kraevedcheskogo muzeia (Reports of the Republican Museum of History and Local Studies). Stalinabad: Republican Museum of Local Lore of the Tajik SSR, 121–160 (in Russian).
- Kuz'mina, E. E. 1994. *Otkuda prishli indoarii? Material'naia kul'tura plemen andronovskoi obshchnosti i proiskhozhdenie indoirantsev (Where did the Indo-Aryans come from? Material culture of Andronovo Communion and the Origin of the Indo-Iranians)*. Moscow: "VINITI" Publ. (in Russian).
- Kulsarieva, A., Sultanova, M., Shajgozova, Zh. 2018. In *Nomadyzm i nomadologia. Przegląd Wschodnioeuropejski* IX/2, 231–240 (in Russian).
- Kurmankulov, Zh. K., Arzhantseva, I. A., Zilivinskaya, E. D., Ruzanova, S. A., Sydykova, Zh. T. 2007. *Materialy Dzhankentskoj arkheologicheskoi ehkspeditsii Kyzylordinskoj gosudarstvennyj universitet im. Korkyt Ata (Materials of the Jankent expedition of the Korkyt Ata Kyzylorda State University)*. Kyzylorda: Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklukho-Maklay of the Russian Academy of Sciences; A.Kh. Margulan Institute of Archaeology Publ., 124 (in Russian).
- Kurmankulov, Zh., Bolelov, S. B., Utubayev, Zh. R. 2021. *Drevnie zemledel'tsy nizov'ev Syrdar'i (Ancient farmers of the lower reaches of the Syrdarya)*. Almaty: Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan (in Russian).
- Kuchukova, D.A. 2013. In *Vestnik Tiumenskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of Tyumen State University)* 2, 21–26 (in Russian).
- Levina, L. M. 1971. *Keramika Nizhnei i Srednei Syrdar'i v I tysiacheletii n. e. (Ceramics from Lower and Middle Syrdarya in 1st Millennium A.D.)*. Series: Trudy Khorezmskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Khwarezm Archaeological and Ethnographic Expedition) 7. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Levina, L. M. 1996. *Etnokul'turnaia istoriia Vostochnogo Priaral'ia. I tysiacheletie do n.e. – I tysiacheletie n.e. (Ethnic and Cultural History of Eastern Aral Sea Region of I Millennium BC – I Millennium AD)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ. (in Russian).

Litvinskiy, B. A. 1968. *Kangyujsko-sarmatskij farn (k istoriko-kul'turnym svyaziyam plemen yuzhnoj Rossii i Srednej Azii) (Kangju-Sarmatian farr (on the historical and cultural ties of the tribes of southern Russia and Central Asia))*. Dushanbe: "Donish" Publ. (in Russian).

Lichman, E. Yu. *Znaki – simvoly traditsionnogo kazakhskogo iskusstva (Signs are symbols of traditional Kazakh art)*. URL: <http://econfr.ae.ru/article/7500> (Available at: 06.11.2025) (in Russian).

Madurov, D. F. 2004. *Traditsionnoe dekorativnoe iskusstvo i prazdniki chuvashai (Traditional decorative art and festivities of the Chuvash people)*. Cheboksary: "Chuvash. kn. izd-vo" Publ. (in Russian).

Margulan, A. Kh. 1998. *Begazy-dandybaevskaya kul'tura tsentral'nogo Kazakhstana (The Begazy-Dandybai Culture of Central Kazakhstan)*. Sochineniya. Vol. 1. Almaty: Atamura Publ., 400 (in Russian).

Martsenyuk, T. *Kazakhskij ornament: znachenie dlya naroda i samye znakovye simvoly (Kazakh Ornamentation: Its Significance for the People and the Most Famous Symbols)* <https://www.nur.kz/family/school/1551418-kazakhskiy-ornament-ego-znachenie/> (date of request: 26 maya 2023 (in Russian).

Mordovskij narodnyj kostyum (Mordovian folk costume). Sost. T.P. Prokina, M.I. Surina. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1990, 384 (in Russian).

Mukanov M.S. *Kazakhskie domashnie khudozhestvennye remesla (Traditional Kazakh domestic handicrafts)*. Alma-Ata: Kazakhstan Publ., 1979, 120 (in Russian).

Murataev, Q.Q. 2013. *Khalyqyq zha'ne qoldanbaly-sa'ndik o'ner (Folk and applied arts)*. Qazaq o'neri 5 tomdyq. Vol. II. Al'bom. Almaty: Elnur Publ., 176 (in Kazakh).

Nil'sen, V.A. 1959. *Kyzyl-kyr*. In *IMKU (History of material culture of Uzbekistan)*. V.A. Shishkin (otv. red.). Issue 1. Tashkent, AN Uzb.SSR Publ., 60–79 (in Russian).

Pugachenkova, G.A. *Ochazhnye podstavki iz Bulakbashi (k ideologii drevnego skotovodcheskogo naseleeniya Samarkandskogo Sogda) (Hearth Stands from Bulakbashi (to the ideology of the ancient pastoral population of Samarkand Sogd))*. In *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane (Social sciences in Uzbekistan)*. 1986. №5. S. 34–37 (in Russian).

Ryndina O.M. *Ornament (Ornamentation)*. In *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoj Sibiri (Essays on the cultural genesis of the peoples of Western Siberia)*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta Publ., 1995, 640 (in Russian).

Sajpov S. *Ornamentatsiya nepolivnoj keramiki Khorezma v zolotoordynskij period (Ornamentation of unglazed Khorezm ceramics during the Golden Horde period)*. In *IMKU (History of the material culture of Uzbekistan)*. Issue 41. Samarkand, 2021, 207–216 (in Russian).

Samashev, Z., Tshvehendordzh, D., Ongaruly, A., Chotbaev, A. 2016. *Ezhelgi turikterdin' shiveheht ulaan g'uryptyq kesheni (The Shiveet Ulan ritual complex of the ancient Turks)*. Astana: Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan (in Kazakh).

Smagulov, E.A. 1992. In Mar'yashev, A. N. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniya v Kazakhstane. Mezhevuzovskij sbornik nauchnykh trudov (Archaeological research in Kazakhstan)*. Alma-Ata, 34–43 (in Russian).

Smagulov, E. A. 2004. In *Izvestiya MON RK, NAN RK. Seriya obshchestvennykh nauk (Bulletin of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan and the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Social Sciences Series)* 1, 90–108 (in Russian).

Snesarev, G. P. 1969. *Relikty domusul'manskikh verovaniy i obryadov u uzbekov Khorezma (Relics of pre-Muslim beliefs and rituals among the Uzbeks of Khwarazm)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Tazhekeev, A. A., Sultanzhanov, Zh. K., Qurmaniyazov, Y. S., Bejsembaeva, L. S. 2022. In *Marg'ulan oquary 2022: khalyqaralyq g'ylymi-ta'zhirbielik konferentsiya materialdary (Almaty q. 12-13 sa'uir 2022 zh.) (Margulan Readings 2022: materials of the international scientific and practical conference)*. Almaty: Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan, 411–418 (in Kazakh).

Tolstov, S. P. 1947. *Sovetskaia etnografiya (Soviet Ethnography)* (3), 55–102 (in Russian).

Tolstov, S. P. 1948. *Drevnii Khorezm. Opyt istoriko-arkheologicheskogo issledovaniia (Ancient Khwarezm. Experience of Historical and Archaeological Research)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Tolstov, S. P. 1962. *Po drevnim del'tam Oksa i Iaksarta (Alongside Ancient Deltas of the Oxus and the Jaxartes)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ. (in Russian).

Tulumbaev, V. Z., Khalilova, A. D., Khabibullina, Z. A. 2017. In *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia (The world of Science, Culture, Education)* 66 (5), 315–318 (in Russian).

Khalikov, A.Kh. 1978. *Proiskhozhdenie tatar Povolzh'ya i Priural'ya (The Origin of the Tatar Volga and Ural Regions)*. Kazan': Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 160 (in Russian).

Shaigozova, A., Nauryzbaeva, Sh. 2003. *Ornament v traditsionnoi kulture Kazakhstana (Ornament in the traditional culture of Kazakhstan)*. Almaty: "Oner" Publ. (in Russian).

Shevtsova, A. A. 2007. *Kazakhskii narodnyi ornament: istoki i traditsii (Kazakh folk ornament: origins and traditions)*. Moscow: "Kazakhskaya diaspora" Publ. (in Russian).

Agacanov, S. G. 2002. *Oğuzlar*. Istanbul: Selenge Yayınları (in Turkish).

Цыва, Катарзына. 2011. In *Sagvntvm Extra*, 151–152.

Dospanov O. 2025. In *Journal of International Museum Education*. Vol. 7, No. 1, 174–178. <https://dergipark.org.tr/en/pub/jimuseumed>

Ersay, Yüksel Ayşe. 2023. In *International Journal of Social and Humanities Sciences Research (JSHSR)*. Cilt 10, Sayı 94, 843–857 (in Turkish).

Fischler, Albert. 2018. In *Journal of Philosophy, Culture and Political Science* 66 (4), 131–135.

Guristik, Selcuk Halil MA. 2006. *The Paradox and Contradictions in Cultural Value and Exchange Worth of Anatolian Hand-crafted Wool Felted Textiles: A Thesis Submitted in Partial Fulfilment of the Requirements of The University of the Arts London for the Degree of Doctor of Philosophy*.

Ibrahimov, T. I. 2019. *Sculptural Arts of Caucasian Albania*. Baku: Ecoprint, 102.

Irwin, Robert. 1997. *Islamic art in context: art, architecture and the literary world*. New York: Henry N. Abrams Inc.

Kartaeva, T., Yerdan, O. 2020. In *Belleten Aralık*, vol. 84, issue 301. 907–958.

Kasieva, A. 2015. In *Turkish Studies. International Periodical for The Languages, Literature and History of Turkish or Turkic* vol. 10/4, winter, 637–658.

Kaya, Özlem, Bayraktar, Zülfikar. 2025. In *Folklor/edebiyat – folklore&literature* vol. 31(1), issue 121 Winter.

Khazbulatov, A.R., Ibragimov A.I. 2021. In *Pedagogics and Psychology*. 3 (48), 265–276.

Kurbanova, Z. 2023. *Karakalpak Ornamental Art*. In *Uzbekistan Airways* 03 (116), winter, 92–97.

Sapashev, O., Samashev, S., Abilbekuly, A. 2024. In *Kazakstan arkheologiyasy (Archaeology of Kazakhstan)* 4 (26), 359–367.

Shoraev, B. K., Sultanzhanov, Zh. K. 2021. In *Bulletin of history* 2 (101), 34–42.

Suraganov S.K. 2021. In *Turkic Studies Journal*. Vol. 3, no 2, 99–110.

About the Authors:

Nazarov Agabek. 3 st year PhD Student of «Decorative Art» Department, Masters of Arts, Temirbek Zhurgenov Kazakh National Academy of Arts (Almaty, Kazakhstan); diz_agabek@mail.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7925-9266>

Iskanderova Aysulu, PhD in History. Samarkand Institute of Archaeology named after Y. Gulyamov; Karakalpak Research Institute of Humanities, Karakalpak Branch of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan (Samarkand, Nukus); aysulu.iskander@gmail.com; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7164-2914>

Khalykov Kabyl, Professor Of The Department Of Scenography. Temirbek Zhurgenov Kazakh National Academy Of Arts, Faculty Of Theatre Art, Panfilov Str. 127, Almaty, 050000 Kazakhstan; kabylkh@gmail.com; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2515-6752>

Статья поступила в журнал 12.11.2025 г.
Статья принята к публикации 20.05.2026 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу